

---

**Слово същика**

---



# АЛЕКСАНДР КРАСНИЦКИЙ

ВОСКРЕСШАЯ  
ДУША

Слово сыщика

Москва

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

К78

Серия «Слово сыщика»

*Выпуск 3*

Оформление обложки *Натальи Байдаковой*

**Красницкий, Александр Иванович**

К78 Воскресшая душа : сборник / Александр Красницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. — (Слово сыщика).

ISBN 978-5-17-108437-0

Знаменитые детективы А. И. Красницкого!

У молодой купеческой дочери таинственным образом один за другим умирают перед свадьбой шесть ее женихов. Седьмой бросает вызов судьбе, решив разгадать эту тайну.

В центре Петербурга, в собственной квартире, ночью зверски убит известный делец. Перед этим в гостях у него был таинственный незнакомец.

Приподнять таинственную завесу, раскрыть все эти преступления может только несравненный Мефодий Кобылкин — русский Шерлок Холмс, русский Мегрэ, русский Пуаро!

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**ISBN 978-5-17-108437-0**

© ООО «Издательство АСТ», 2018

## ВОСКРЕСШАЯ ДУША

### I

#### Минька Гусар

**В** грязной чайной вблизи огородов и пустырей за Обводным каналом хрипел граммофон. Его никто не слушал. Было слишком рано, только начинались сумерки морозного ноябрьского дня. Обычные посетители этой трущобы — мусорщики, поденные рабочие, босяки и вообще всякий люд неопределенных и темных профессий — еще отсутствовали. Пользуясь безлюдьем, за прилавком похрапывал буфетчик. В дальнем углу прикорнул на стуле его единственный слуга, парень крепкого сложения. Хрипенье граммофона было привычно для них и не мешало спать. Керосиновая лампа коптила и чадила, но и противный запах не будил спавших.

Однако их сон все-таки был чуток. Едва слышное бряцанье колокольчика на наружной входной двери вмиг пробудило обоих. Буфетчик уставился суровым взглядом на дверь. Слуга вскочил со стула. В этот момент внутренняя входная дверь распахнулась, в чайную ворвались с улицы клубы морозного воздуха, и в них обрисовалась человеческая фигура.

При взгляде на вошедшего суровое выражение сбежало с лица буфетчика.

Посетитель был маленького роста, подвижный старичок с мелкими чертами лица, крючковатым носом и гладко выбритым подбородком, его глаза были прикрыты очками в металлической оправе. Одет он был небогато, но чисто: в теплое пальто с барашковым воротником и такого же меха островерхую шапку. Старичок вошел в чайную с видом завсегдатая, уверенного в хорошем приеме.

— Огня-то в лампе, Дмитрий, убавь! — закричал он еще с порога. — Ишь, как коптит! Эх, креста на вас нет: не бережете хозяйского добра. — Затем, обращаясь к буфетчику, добавил: — Сергею Федоровичу почет!

Буфетчик был уже около гостя и с заискивающей улыбкою лепетал:

— Евгению Николаевичу... Сколько лет, сколько зим! Разоблачайтесь. Позвольте, помогу...

— Ничего, ничего, я сам, — запротестовал гость, впрочем, не особенно уклоняясь от любезных услуг буфетчика. — Мало привычен я к деликатностям-то... А вот насчет лет и зим, так это вы как будто того...

— Как же-с, помилуйте! — заегозил буфетчик. — Вы у нас, можно сказать, редчайший гость...

— Ну, уж и редчайший... Так, по знакомству, бываю... — Евгений Николаевич говорил и в-то же время протирали стекла своих очков. — Ты бы, Сергей Федорович, машине-то своей пасть заткнул. Беда от этих граммофонов: гудят, и слова из-за них сказать нельзя.

Это было сказано спокойно, даже шутливо, но Сергей Федорович бросился к граммофону. Евгений Николаевич между тем надел очки, достал из кармана сюртука платок, отер им лицо и направился к столику у окна.

Дойдя до столика, он сел на стоявший около него стул.

— Чайку? — подлетел к нему Дмитрий.

— Можно. Собери ка. Сергей Федорович, а, Сергей Федорович!

Буфетчик, уже справившийся с граммофоном, очутился около гостя.

— Что прикажете, Евгений Николаевич?

— Да вот садись-ка, прежде всего. Одни мы?

— Одни с, Евгений Николаевич.

— А повар?

— Что же повар? Он — свой. Да и нет его в настоящую секунду.

- И прекрасно! Ну, что скажете хорошенького?
- Относительно чего, Евгений Николаевич?
- Ну вот, непонятливый! О чем же нам говорить то?

О заказе спрашиваю...

В это время Дмитрий подлетел с подносом, на котором громыхали чайник и чашки.

— Скатерку, скатерку, Дмитрий, да почище! — засуетился Сергей Федорович. — Так вы, Евгений Николаевич, относительно заказа? Исполнено-с!

Лицо старика оживилось при этом сообщении.

— Да ну? — воскликнул он. — Нашли?

— Как же иначе? Сказано — сделано: у нас все так.

— Где же он?

— Раненько пожаловали, Евгений Николаевич, — произнес буфетчик, усмехаясь. — Сами знаете, кто же из них в эту пору у нас бывает? Теперь все в разброде: кто где... Обождать придется.

— Ну что же, подожду. Так вы уверены, что это тот самый, который мне нужен?

— Еще бы! Уж я свое дело знаю... Все сходится, как вы указали. Да вот что: разве попытать счастья. Дмитрий! Сбегай-ка на огород Кобранова, туда сегодня народ сбивали парники рогожами покрывать, спроси Миньку Гусара. Ежели там — тащи сюда, скажи, я требую...

Схватив шапку и обернув горло какой-то тряпкой, Дмитрий выскочил за дверь.

Сергей Федорович и гость остались одни. Несколько секунд они молчали, меряя друг друга взглядами.

— Смею спросить, Евгений Николаевич, — заговорил первым буфетчик, — на что это вам так Минька Гусар зандобился? Пропаций ведь он совсем: никакого толка. Из отпетых отпетый.

— Вот его судьба теперь и выходит: хочу человека осчастливить.

— Та-ак... — протянул с заметным недоверием Сергей Федорович. — Только вряд ли что выйдет. Даром хлопотать будете... Позвольте налить чайку?

— Пожалуйста. А почему вы думаете, добрейший, что даром?..

— Докладывал я вам: человек отпетый. У него даже образа и подобия человеческого нет... Сухая грязь он — вот что. Никаких стараний не стоит.

Сергей Федорович, видимо, ожидал, что его сообщение произведет впечатление на собеседника, но тот сперва нахмурился, а потом вдруг засмеялся и воскликнул:

— Вот, добрейший, нам это самое и нужно!

— То есть что же? — не понял буфетчик.

— Да вот-то, что образа и подобия человеческого у этого вашего — ну, как его? — Миньки Гусара нет.

Тон Евгения Николаевича был игривый, Сергей Федорович хотел что-то сказать в ответ, но в это мгновение в чайную ворвался Дмитрий, крича:

— Идет! Минька Гусар идет! Нашел я его... на кобровских огородах.

Евгений Николаевич при этом окрике вздрогнул.

— Трезвый Минька то? — спросил у Дмитрия буфетчик.

— Не-то чтоб первой трезвости, но как следует... Он, Сергей Федорович, спрашивал, какая в нем у вас надобность, я не сказал ничего. Требуют, да и все!

— Молодец! — похвалил его буфетчик и, обращаясь к гостю, сказал: — Если побеседовать думаете, так у меня, Евгений Николаевич, для этого каморочка найдется... как бы вроде отдельного кабинета.

— Прекрасно! — ответил гость. — А что, Митя, Гусар-то ваш, как по внешности? Хорош?

— Картина — да и все! — кинул Дмитрий, захохотав. — Хоть сейчас на выставку, ежели кого напугать нужно.

— Да я не про то... Как он? Очень оборван?

— Не только оборван — общипан весь!

— Ну, вот вот, я про это и спрашиваю. А что, Сергей Федорович, одежонки какой-нибудь для этого человека у вас не найдется?

— Одежонки? Так разве вы его с собой взять хотите?

— Именно взять.

— Не советую-с, хоть и не мое это дело, — проговорил буфетчик, отставляя в сторону стул. — С таким, можно сказать, субъектом в одной комнате быть противно, а не только что с собой его брать... а насчет одежонки, ежели вы, Евгений Николаевич, приказываете, похлопочу... Найдется для вас.

Евгений Николаевич раза два сердито сдвинул брови, но потом воскликнул:

— Вот и прекрасно, если найдется! Поторопитесь же, достойнейший. Знаете, это ничего, если ваш костюм не по последней моде будет, только бы мне вашего Гусара с собой вывезти... А за мной ваши хлопоты не пропадут...

— Знаю-с, — успокоил его Сергей Федорович. — Так я пойду, поищу... Да позвольте! — вдруг воскликнул он, взглядывая в полузамерзшее окно. — Вот и Гусар собственной персоной...

Действительно, двери с шумом распахнулись, и в чайную ворвался не человек, а, скорее, человеческая фигура, закутанная в невообразимой пестроты лохмотья. Последние были запорошены снегом, кое-где на них висели примерзшие ледяные сосульки. Голова фигуры была покрыта изорванным женским платком, подвязанным концами под подбородком. Сверху из-под платка выбивалась копна густых, черных, слипшихся и смерзшихся волос, а снизу во все стороны торчала густая, всклокоченная борода.

— Минька Гусар, полюбуйтесь, ежели не противно! — ироническим тоном провозгласил Сергей Федорович, указывая гостю на ворвавшегося босяка.

## II

### Последняя ценность

Ядовитое презрение, сквозившее в словах буфетчика, не обидело, а, наоборот, развеселило Миньку Гусара. Он захохотал и стал выкрикивать отвратительно гнусавым голосом, обращаясь-то к буфетчику, -то к Дмитрию:

— Верно, любезнейший, верно! Любуйтесь, кому не противно. Вот я как есть, во всей моей неподражаемой красе. Монстр! Уника! Фурор! Этуаль особого рода! Перл мироздания и в-то же время последняя степень человеческого падения. Что, милостивый государь, как вы находите? Хорош? — вдруг обратился он к Евгению Николаевичу.

Тот не спускал с него пристального взгляда. Минька, очутившись в теплом помещении, согрелся и успел развязать и сбросить платок, закутывавший его голову. Теперь можно было разглядеть его лицо. Оно было моложавое, со следами былой красоты. Волосы на голове слиплись, перепутались и лежали копной, свисая редкими жесткими космами к плечам, а на щеках переходя в густую бороду. Лицо, опухшее, отекавшее, с багровым цветом кожи, резко выделялось на фоне волос. Под глазами темнели синяки, на правой щеке виднелась еще свежая царапина. Тело Миньки было завернуто в лохмотья, державшиеся на нем только потому, что он ухитрился обвязать их через плечи и вокруг туловища бечевками и мочалом. На одной ноге была стоптанная, рваная галоша, на другой лапоть.

— Хорош? — переспросил Минька, не дождавшись ответа Евгения Николаевича.

— Уж что и говорить, — картина, да и все тут, — вставил свое замечание Сергей Федорович, — свой брат Исакий босяк и то брезгает.

— Совершенно справедливо, любезнейший, но зато в этом моя сила и гордость. Понимаете ли вы, какая гордость? Гордость падения! Ты кто? — вдруг подскочил

Минька к буфетчику. — Ты — человек! А я кто? И я — человек! Но ты возвышен, а я унижен. Ты — верхняя ступень, я — подножка самой последней. Ты — красота, я — грязь, нечисть. Смотри же на меня со своей высоты и любуйся на-то, чем ты можешь быть внизу. Но я выше тебя. Я совершенен в своем падении, а ты?..

— Поехал! Не раз мы эти твои представления видели. Надоело. Вот тут тебя по делу спрашивают, — указал буфетчик на Евгения Николаевича.

Минька в одно мгновение очутился около старичка.

— Так это вы, господин хороший, меня, Миньку Гусара, из тьмы кобрановских огородов на тусклый свет сего учреждения призвали?

Евгений Николаевич утвердительно кивнул головой.

— Вы? — тон Миньки ясно выражал его искреннее удивление и недоумение. — Вы? Позвольте же на вас посмотреть? Вы тоже в своем роде единственный! Ушам не верю. Вот не ожидал-то, что моя персона, которой, как вы изволили слышать, свой брат Исаакий брезгует, кому-нибудь на этом свете понадобится!.. Интересно знать, зачем? Впрочем, это праздное любопытство. Приказывайте, весь к вашим услугам, но, конечно, не даром. Вы понимаете, в наш век презренный металл — это все. Итак, чем я могу быть вам полезен?

— Садитесь, — указал ему на стул Евгений Николаевич. — Вот стул, прошу присесть... Мне нужно сказать вам конфиденциально несколько слов. Да что же вы? Садитесь!

Но, несмотря на это настоятельное предложение, Минька продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

— Позвольте, это недоразумение, — лепетал он, беспомощно разводя руками, — мне говорят «вы» и даже просят садиться! Что же это такое? Может быть, я сплю и вижу сон? Ущипните меня, милостивый государь! Нет, не ущипните, а дайте мне хорошенько вот по этому

месту, — указал Минька на затылок, — прошу вас, не стесняйтесь, тогда я проснусь, приду в себя. Но я вижу, что вы изволите хмурить брови! Вы гневаетесь? Пардон-с. Повинуюсь и сажусь. — Он присел на краешек стула, но тотчас же развалился на нем, положив ногу на ногу. — Итак, — сказал он, — насколько я сужу по предисловию, у нас должен быть деловой разговор.

— Да, — подтвердил Евгений Николаевич, — очень серьезный. Одну минуту! Сергей Федорович, похлопochи, о чем я просил!

— Это для него то? — кивнул головой на Миньку буфетчик.

— Вот, вот... Пусть и Митя там с тобой побудет... Нам тут два слова по секрету сказать нужно...

— Понимаю. Пойдем-ка, Митька, поищем.

Евгений Николаевич и Минька остались одни.

— Вы меня пугаете, милостивый государь! — заговорил босяк. — Это ваше появление, эта таинственность, переговоры с глазу на глаз... Тут что-то кроется! Может быть, какой-нибудь криминал? Так предупреждаю заранее, что я на него не пойду! Прошу помнить: я беден, но честен!

— Верю, дорогой мой! — воскликнул Евгений Николаевич. — И можете быть спокойны: дело, которое я к вам имею, ничего криминального не содержит.

— Чего же вы от меня хотите?

— Экий человек! Да ведь сказал я вам, что жажду беседы с вами. Только и всего. Ежели вы насчет костюмчика своего стесняетесь, так не беспокойтесь. Он удобен лишь для пребывания во тьме кобрановских огородов, но я это предусмотрел. В настоящее время Сергей Федорович подыскивает вам что-либо более подходящее для нашего предполагаемого путешествия.

Минька молчал, только его глаза так и бегали по фигуре собеседника, не перестававшего улыбаться.

— Ничего не понимаю, — сказал он, — кому я понадобился? Зачем понадобился? Хоть убей меня, не разберу... Вы видите, что это такое? — указал он на фонарь под глазом и царапину.

— Превосходно вижу: били вас недавно.

— Ага! И как еще били то! Смертным боем! Думал, живым не уйду... И меня часто бьют, бьет всякий, кто находит в этом удовольствие... Я, знаете с, даже не противлюсь. Пусть!.. Так видите, каков я?! И говорю я это к тому, что желаю знать, чего вы от меня хотите? Чего в вашем лице люди от меня хотят? У меня нет ничего, совсем ничего такого, что может иметь какую-нибудь ценность. Нет даже человеческого достоинства... Ничего! Ничего! Скажите, зачем вы пришли за мной? Зачем разыскивали меня?

— Именно, как иголку в стоге сена...

— Зачем? Скажите, без этого я не пойду с вами... Я не боюсь никого и ничего, но хочу знать, зачем иду. Это — мое право, мой каприз. Не я к вам пришел, а вы ко мне, я могу требовать и ставить условия.

— Эге, как вы заговорили-то! — засмеялся Евгений Николаевич. — А еще хвастается: «У меня и человеческого достоинства нет!» Да разве так поступают те, у кого оно отсутствует? Ну, да все равно. Признаю ваши права. Вы ошиблись, уверяя меня, будто у вас ничего нет. Есть кое-что, добрейший, есть! Так, по нынешним временам, пожалуй, и пустячок, да вот мне этот пустячок и понадобился. Я пришел за ним, и беседа наша об этом пустячке будет, и куплю я его, ежели мы с вами сторгуемся, а если не сторгуемся, ну что поделывать? Разойдемся — вот и все... Итак, в пустячке дело!

— О чем вы говорите? — забормотал ничего не понимавший Минька. — Что есть у меня ценного?

— Что? А вот, милостивый государь мой, что, — и, перегнувшись через стол, Евгений Николаевич глухим шепотом бросил прямо в лицо Миньке: — Ваше имя!

Сказав это, он спокойно сел, наблюдая за реакцией собеседника. Минька сидел с побледневшим лицом, беспомощно опустив руки.

— Водки бы! — жалобно прохрипел он.

— Водочки? Можно! Только уж не здесь, а там, где наша приятная беседа продолжаться будет.

— Нет, теперь, сейчас! Жжет меня! Я с ума схожу!

— Охотно верю. Так тем более надо немедленно идти со мной... Сергей Федорович! — крикнул Евгений Николаевич, подойдя к двери за прилавком, куда ушел с Дмитрием буфетчик. — Готово там у тебя?

— Все готово, как по мерке подобрал, — раздалось из за двери. — Пусть идет.

— Слышите? — обернулся к Миньке старик. — Идете? Если идете, так идите... Чего валандаться-то в самом деле? Ну!

Теперь Евгений Николаевич говорил уже грубо.

— Да, вы правы, — поднялся со своего стула Минька. — Я похвастал, что у меня потеряно все... Вы правы. Пожалуй, кое-что и осталось. Так все равно: пусть ничего не будет! Иду. Одевайте меня, ведите куда хотите. Пропадай последнее! Куда идти? Сюда?

— Вот и хорошо! — потирая руки, воскликнул Евгений Николаевич. — Пойдемте, сейчас мы вас преобразим, и станете вы таким красавцем, что хоть под венец...

Минька смерил его с ног до головы презрительным взглядом и молча прошел в каморку.

Несколько минут чайная оставалась пустой. Потом из каморки вышли Сергей Федорович и Дмитрий. Первый презрительно усмехался, Дмитрий казался растерянным.

— Что же это, Сергей Федорович, — бормотал он, — нас как будто прогнали?

— Слышал? Сам с сокровищем захотел возиться! — усмехнулся буфетчик. — Неспроста это! Козодоев не такой человек, чтобы без выгоды что-нибудь делать. Ох,

неспроста! Только, Митька, помни: наше дело — сторона. Обо всем молчок! В нашем положении Евгений Николаевич — сила!

### III

#### Босяк граф

Прошло несколько минут.

— Ну, каков? — вдруг раздался возглас Евгения Николаевича.

Козодоев прошел из каморки на середину чайной и обернулся, любуясь вышедшим за ним Минькой.

В самом деле, босяк переменялся до неузнаваемости. На нем было надето довольно чистое пальто. Копна волос подобралась и укрылась под шапкой, борода и усы были приведены в порядок. Но изменила Миньку не одежда, в нем самом произошла заметная перемена. Он глядел гордо, даже высокомерно, от прежней забитости и беспомощности не осталось и следа.

— Ай да Минька! — воскликнул Сергей Федорович. — Да тебя ли я вижу?.. Евгений Николаевич, да вы — сущий маг и волшебник!

— Не будем терять времени, — обратился старик к Миньке, — пойдем! Дай-ка, Митя, мне мое пальтишко... Федорыч, сосчитаемся потом... Я еще забегу.

— Не извольте беспокоиться, Евгений Николаевич! Ну, Минька! Не ожидал! — Сергей Федорович даже прошел вперед и сам распахнул дверь перед уходившими Козодоевым и Минькой. — И дивные же дела! — воскликнул он. — Если бы своими глазами не видел, ни за что не поверил бы!.. Ты это, повар, откуда появился?

Вопрос относился к мужику, появившемуся в чайной, пока Сергей Федорович и Дмитрий провожали Козодоева и Миньку.